

Артём КУЛЯБИН

г. Вологда

«КАКАЯ

ЖИЗНЬ =

ТАКИЕ

И ПЕСНИ»

Выход третьего сборника избранной прозы вологодского писателя Дмитрия Ермакова «Дела земные» стал заметным явлением в литературной жизни. Книга была презентована в Москве, Вологде, Череповце, других городах и посёлках.

Вологодскому читателю представлять Дмитрия Ермакова не нужно. Его проза с завидным постоянством публикуется как в региональной, так и в центральной периодике. Конечно, многие произведения сборника были знакомы читателю по журнальным публикациям, но нужно иметь в виду, что книга – не простая совокупность текстов, а художественное единство, имеющее свою внутреннюю логику. И здесь эта логика хорошо просматривается. Открывает сборник программное произведение, содержащее литературную и общественную позицию героя (и автора, вероятно). «И как бы ни страшна была нынешняя русская жизнь, мы, русские, должны помнить, что весь мир по-прежнему с надеждой смотрит на нас. И чтобы оправдать эту мировую надежду, мы, нынешние русские, должны смело всматриваться и вмешиваться в

самые страшные проблемы нашей жизни», – пишет Ермаков. И в последующих повестях и рассказах герои Ермакова сталкиваются с этими самыми жизненными проблемами. Сталкиваются и решают их так, как может решить русский человек и во времена Ивана III, и в наше тоже очень беспокойное время. Вплотную подойдя к понятию «тип героя», начинаешь невольно перебирать в памяти классические определения: «лишний человек», «маленький человек» и т.д. Какой же он, герой Ермакова? Это человек, соединяющий в себе черты национального архетипа и современной «постиндустриальной» личности. Русский человек, способный на поступок. Он благороден, честен, но в то же время часто вынужден приспособляться к обстоятельствам, в которые его поставила жизнь.

Художественное единство книги видно и на уровне отдельных деталей (одинаковые фамилии героев, многочисленные вологодские приметы и даже белая «Нива» – такие «повторения» и создают впечатление цельности). Но произведения, конечно, разные: и по сюжетам,

и по авторской включённости в текст, и по эпохе... Вот, например, «Три брата» – аж из XV века. При чтении этой повести (да и исторической прозы вообще) велико искушение спроецировать события тех лет на современную действительность, провести параллели. Но здесь, думается, важнее передать дух эпохи – жестокой и набожной, дикой и величественной, эпохи мужества и предательства, былинной Руси. И вся эта «непричёсанная» старина предстаёт перед нами в первозданном виде. Добирается Терёха с грамотой к крымскому хану, и чувствуешь его осторожные движения, свист стрел, слепящее солнце над взгорком, и мысленно желаешь ему удачи.

Герои Ермакова находятся в процессе переосмысления жизни, будь то подросток из трудной семьи («Чемпион») или преуспевающий бизнесмен («Ножилов»). Этот психологический (и духовный) переворот личности и показывает читателю автор. Колька-чемпион и Максим Ножилов, такие разные по социальному статусу люди, схожи в своём стремлении что-то изменить (не случайно оба текста символично заканчиваются дорогой). Что же их ждёт впереди? Пусть это решит читатель.

Сергей Труфанов («Серьёзное дело») вроде бы не меняет «колбасную» жизнь на другую, но внутренне ей сопротивляется. «Хоть я и копчу колбасу, но я всё же не просто колбасник, есть что-то и более важное в жизни...» – рассуждает Труфанов. И это – тенденция, характерная для России 90-х, когда университетские преподаватели, музейные работники, учителя массово «переквалифицировались» в таксистов, подсобных рабочих и т.д., чтобы хоть как-то прокормить семью. Интеллигент (не в социальном – в духовно-нравственном смысле) продолжает жить в Труфанове. И его жизнь – от смены до смены – это «другая жизнь».

Не чужды Ермакову детективные сюжеты («Приключение», «Счастье»). Но и здесь человек, характер не менее важны, чем собственно расследование преступления или поиск пропавшего человека. Читаешь «Счастье» и невольно задумываешься: «А где же оно, счастье? Как название соотносится с текстом?» А счастье – в последнем абзаце рассказа, оно «разливалось над заречным лесом, над тихой водой, над посёлком, над всем миром».

Главные герои венчаются в восстановленном храме – это и есть, наверное, счастье. Или же счастье, как говорит другой ермаковский герой, «лишь степень приспособления к тому злу, в котором лежит этот мир» («Дела земные»)? Оставим это решать читателю.

Нельзя не заметить, что герои Ермакова – люди православные. Они приходят к Богу через жизненные обстоятельства, экстремальные случаи. Священнослужители помогают им обрести точку опоры, найти нужные нравственные ориентиры в обществе. Писателю и его героям веришь, они искренни в своих желаниях и раскаяниях, и кажется – живут где-то рядом с нами, на соседней улице.

В книге Ермакова – провинциальная Русь, Россия. Та, которая была когда-то, и та, которая продолжает существовать, несмотря ни на что. Живёт своими радостями и болями, повседневными заботами и думами о вечности. Об этой жизни, в сущности, и пишет Ермаков. Ведь, как признается один из его героев, «какая жизнь – такие и песни».